

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В.С. Кузнецова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Устное бытование библейской легенды об Иосифе Прекрасном: фольклоризация сюжета

Аннотация: В статье рассматриваются фольклорные версии библейской легенды об Иосифе Прекрасном, их отношение к книжному источнику, способы освоения устной традицией библейского рассказа.

The group of oral stories about Fine Josef, their relation to the biblical source, and also methods of a folk adaptation of the biblical plot are the subject of the article.

Ключевые слова: русский фольклор, фольклорная Библия, версии, сюжеты, жанровые формы.

Russian folklore, folk Bible, plots, versions, ethnopoeitic genres.

УДК: 811.161.1+398.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. ИФЛ СО РАН. Тел. (383) 3305345. E-mail: vera_kuznetsova@mail.ru.

Известно, что часть легенд фольклорной Библии составляют устные повествования, которые восходят к книжным источникам. Одни из них представляют собой пересказы библейских повествований, достаточно близкие к своим книжным образцам, другие демонстрируют заметные от них отличия, которые становятся результатом процессов фольклорных замещений и дополнений в библейском источнике (об источниках и механизмах формирования фольклорных версий библейских легенд подробнее см.: [Кузнецова, 2009]). Один и тот же сюжет при этом может быть представлен в устной традиции как в форме явно восходящей к книжному источнику, так и в формах более фольклоризованных. Возможность проследить различную глубину и уровни освоения фольклорной традицией книжного по происхождению повествования предоставляют тексты об Иосифе Прекрасном из собрания сибирских легенд русской фольклорной Библии, рассмотренные в сравнении с вариантами европейской территории России.

Библейский сюжет об Иосифе, проданном братьями в рабство в Египет, выжившем там и вновь обретшем свою семью (Быт 37, 39–50), хорошо известен в русской христианской традиции и принадлежит к числу особенно любимых. При этом основными источниками знакомства с сюжетом являлись Палей Толковая и Житие святого праведного Иосифа Прекрасного в Четиях-Минеях под 31 марта. В устной традиции трогательная и назидательная история об Иосифе представлена большей частью многочисленными вариантами духовных стихов. Прозаические повествования на этот сюжет фиксировались не часто: хотя сюжет отмечен в СУС (725А*)¹, учтен он там в одном только варианте.

¹ Указанный в СУС сюжетный тип 725А* («Иосиф Прекрасный»: юноша, умеющий разгадывать сны, ложно обвинен в воровстве, попадает в тюрьму, разгадывает сон царя о семи полных и семи тощих коровах; продан в чужую страну; встречается с продавшими его братьями, примиряется с ними) отличается от сюжетного типа АТ 725 («Нерассказанный сон»).

В «ветхозаветном» разделе сибирского корпуса легенд русской фольклорной Библии повествование об Иосифе представлено тремя вариантами. Два из них – западносибирские [Городцов, 1907²; Кузнецова, 2003, с. 72–74]³, еще один текст [Матвеева, 2005, с. 116] записан среди старообрядцев (семейских) в Забайкалье⁴. Самый ранний из этих вариантов датирован 1907 г., самый поздний записан в 2000 г.

Только один из этих текстов [Кузнецова, 2003, с. 72–74] полно (повествование доводит до смерти Иакова), подробно и с высокой степенью точности следует книжному источнику. Причем особенности устного повествования указывают, что этим источником для рассказчицы послужила не Библия. Устный рассказ содержит эпизоды и подробности, которых библейская версия не сообщает. Так, легенда подробно передает плач Иакова о любимом сыне, будто бы растерзанном диким зверем; библейская версия об этом лишь упоминает (Быт 37: 31–34)⁵. Устный вариант легенды дополнен фрагментом плача Иосифа на могиле его матери Рахили, когда купившие его купцы увозят его в рабство; этой подробности библейская версия также не содержит. В библейском рассказе названо имя царедворца фараона и начальника его телохранителей Потифара (Быт 39:1), которому был продан Иосиф; вариант имени этого персонажа в фольклорном повествовании звучит иначе – Перфий.

Плач Иосифа на могиле матери составляет самостоятельный сюжет духовного стиха «Плач Иосифа Прекрасного» («Кому повем печаль мою...») (напр.: [Варенцов, 1860, с. 136–137; Бессонов, 1861/1, с. 191–192, № 41]). Об этом плаче рассказывается и в Житии Иосифа, помещенном в Четиях-Минях, куда, как полагали исследователи, он попал из Слова Ефрема Сирина [Порфирьев, 1877, с. 5, Федотов, 1991, с. 20]. В житии Иосифа читается также плач Иакова⁶, где, как и в

² Зап. П.А. Городцовым 13 ноября 1907 г. в с. Плехановском Тюменского у. Тобольской губ. от Дмитрия Никифоровича Плеханова.

³ Опубл. по выполненной нами расшифровке магнитофонной пленки, хранящейся в фольклорном собрании ГАНО (фонд М.Н. Мельникова, т. 13). Зап. Е.А. Кобяковой, Н.М. Василенко в 1972 г. в с. Киик Тогучинского р-на Новосибирской обл. от Натальи Фроловны Глушаковой (1892 г.р.). В 1971 г. фольклорной экспедицией Новосибирского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры от нее было записано 49 песен, 14 духовных стихов, 11 быличек [Кобякова, 1976, с. 30–35].

⁴ Зап. в 2000 г. в с. Куйтун Тарбагатайского р-на Республики Бурятия от К.С. Родионовой, 1925 г.р.

⁵ «И разодрал Иаков одежды свои, и возложил вретище на чресла свои, и оплакивал сына своего многие дни» (Быт 37: 34).

⁶ «И разодрал Иаков свои одежды. Надев на себя рубище, он с рыданиями произнес: “Зачем не я был съеден вместо тебя, сын мой?! Зачем не меня встретил тот зверь, чтобы насытиться мною, а тебя оставить в целости? Зачем не меня растерзал тот зверь? О, зачем же не я был его пищей? Горе мне, горе! Мое сердце сильно скорбит по Иосифу! Горе мне, горе мне! Где убит мой сын, чтобы я мог пойти и растерзать свои седины над красотой его? Я не хочу больше жить без Иосифа! Дитя! Я – виновник твоей смерти! Я убил тебя, послав в пустыню проведать братьев твоих и стада! О, дитя! Я буду плакать и горевать до тех пор, пока не сойду в преисподнюю! Вместо мертвого тела твоего я со слезами кладу перед собой одежду твою. Но она приводит меня в уныние еще по другой причине. Вся она цела, и я думаю, что не зверь съел тело твое, а человеческие руки схватили и убили тебя. Если бы тебя действительно съел зверь, как говорили братья твои, то платье твое было бы разодрано на части, потому что зверь не станет раньше стаскивать одежду, а уж потом поедать тело. Если же он сперва стащил платье, а уж после съел тебя, то платье не было бы замарано кровью. На этом платье нет следов ни от когтей, ни от зубов, – откуда же тогда кровь на нем? Если бы в пустыне были одни только звери, и не было разбойников, я горевал бы о том, что тебя съели звери, и не мог бы предполагать того, что разбойники убили тебя. Я унываю об Иосифе, и его одежда приводит меня еще в другое, не меньшее уныние. Итак, у меня два несчастья: с плачем я буду думать о том, каким образом была снята его одежда, и о том, каким образом было

нашем устном рассказе⁷, Иаков выражает сомнение в том, что зверь растерзал его сына. Потифар в тексте Жития Иосифа и в Толковой Палее [с. 172–173] упоминается под именем «Петефрий», что, как представляется, ближе к прозвучавшей в устном повествовании форме «Перфий». Названные особенности повествования указывают, таким образом, на Житие святого праведного Иосифа Прекрасного как на наиболее вероятный источник данной устной версии легенды. Наряду с особенностями сюжета устной легенды на книжный источник повествования указывают и сохранившиеся в речи рассказчицы церковнославянизмы. Один из них – слово «подром»: «И через 15 годов приставился Иаков. И вот он велел на то место, где он жил, на подром свой увезти тело его, погresti. <...> ...и провожали его до подрома там, много дней всё молилися на подrome»; «Ну, и она тут же заболела и померла. Она на подrome на этом похоронили. Иосифову мать (Рахиль – В.К.)»⁸. Другое слово – «кушница»: «А хлеборежец опять видит во сне: “три кушницы на моей главе”. (По-нашему, 3 корзины бы). И в этих корзинах полно хлеба»; видимо, несколько искаженное «кошница»⁹. Заметим, что слово «кошница» представлено и в народных говорах¹⁰, но рассказчице в этом статусе оно, видимо, не знакомо – ее замечание указывает на то, что «своим» она его не считает. При всей отмеченной близости нашего устного рассказа книжному источнику он не является дословным его пересказом, рассказчица передает повествование живо, увлекательно, сопереживая героям, и делает это средствами народного разговорного языка, пример: «Он одёжу, ну, за спинжачок бы, так сказать, он сбросил эту лопатинку...»¹¹.

Если приведенные подробности первого повествования не оставляют сомнений в книжном происхождении его непосредственного источника, то два других варианта [Городцов, 1907; Матвеева, 2005, с. 116] представляют собой более фольклоризованные версии библейской истории об Иосифе. Так один из них [Го-

убито или съедено его тело? Я умру, Иосиф, мой свет и подпора, и одежда твоя пусть сойдет в преисподнюю вместе со мной. Без тебя Иосиф, я не хочу видеть этот свет!” И много дней Иаков оплакивал Иосифа» [Жития святых Димитрия Ростовского: Тридцать первый день]. Ср. в Толковой Палее: «...но се паки риза твоя на ино сетование возводит мя чадю мое Иосифе. се бо вижду: несть растерзана риза твоя. но руками человеческими совлена еси. зверь бо не имеет естества такового. еже прежде совлеици потом изъисти ты. аще бо бы зверем изъяден. то риза бы твоя исторгана бы на многы части. се бо не вижду хапанія зюуб ни торганія ноготь...» [Палея, 1406, стб. 344], см. также [Порфирьев, 1877, с. 151]. О прибавлении эпизодов при воспроизведении повествования об Иосифе в русских христианских источниках – в Толковой Палее и духовных стихах – см.: [Островский, 1995, с. 181–192].

⁷ «Иаков услышал, что сына его Иосифа звери съели, как он стал плакать, сам себя терзать: “Что я наделал! Сына своего, Иосифа загубил. Лучшие бы звери меня растерзали, чем сына моего, Иосифа!” Долго плакал, плакал, а потом смотрит – что за зверь: с него само перво снял одёжу с его, а потом бы телом его насытился. Одёжа цёла и в кровё – не это, не зверь его похитил, а человеческими руками это всё сделано». Опять в горесумление впался и плачет всё это: “Сыне мой, лучше бы меня тот зверь поел, чем тебя, сыне мой, Иосифе!” И всё плакал» [Кузнецова, 2003, с. 72].

⁸ См., например: «Купцем же идуцим путем доидоша до места **Иподрома** (выделено нами – В.К.), иде же бе гроб Рахилин» («Преподобного отца нашего Ефрема о Прекрасном Иосифе слово» по списку библиотеки Троицко-Сергиевой Лавры [Bratulič, 1972, с. 85]). Ср.: подрумие – ‘ипподром, ристалище’ [Срезневский, 1895, т. 2, с. 1048]. Подробнее о возможных толкованиях слова см. также: [Кузнецова, 2003, с. 72].

⁹ См.: Кошница – ‘корзина, коробка, сплетенная из тростника’ [Дьяченко, 1900, с. 266]; ср.: серб., болг. «кошница» – корзина [Бернштейн, 1975, с. 277].

¹⁰ Ср.: кошница – ‘корзина, плетуха’ [Даль, 1994, т. 2, с. 183], кошель – ‘мягкая складная корзина’ [Там же, с. 181].

¹¹ Лопать, лопотина, ж. лопоть, арх. вят. сиб. ‘верхняя одежда, особенно простая, рабочая’ [Там же, с. 267].

родцов, 1907] подробно, но достаточно свободно следуя канве библейского сюжета, постепенно насыщается характерными сказочными сюжетными подробностями. Действие из библейского времени и пространства переносится в неопределенный локус («в одной стране»), эпизод о снах Иосифа, переименованного в *Осипа*, заменен рассказом о сне его отца, при этом имя отца уже не упоминается¹², братья бросают тело убитого ими Осипа не в ров, а в море; волной Осипа выносит на пустынный берег, его подбирают корабельщики с проходящего мимо судна, привозят «в свое египетское царство» и приводят прямо «к египетскому царю». Эпизод с Потифаром и его женой пропущен / упрощен: соблазнить юношу пытается жена царя, он попадает в темницу, где разгадывает сны двух заточенных с ним разбойников, (содержание снов передано не точно). Затем Осип объясняет сон царя о семи колосках, за что царь обещал *полцарства*, и после смерти старого царя сам становится царем Египта. Став царем, Осип «повел дела правления мудро и вершил дела судебные справедливо». Здесь устная версия дополняет библейскую сюжетную схему примером справедливого суда Осипа Прекрасного: присоединяется эпизод о старушке, у которой ветер развеял собранную подаванием муку; Осип взыскивает с просивших Бога о попутном ветре корабельщиков по грошу в пользу старушки. Такой сюжет-прибавление отмечен в фольклорных указателях сюжетов как «Судебные споры, разрешенные способом, достойным Соломона» – СУС 926С, АТ 926С. Далее фольклорная легенда возвращается к библейскому сюжету и рассказывает о прибытии братьев Осипа в Египет за хлебом, о требовании его привезти в Египет их отца, которому Осип и открывается, а далее – о примирении его с родными и о поселении их в Египте.

Подобные изменения – пропуск, редукцию и стяжение эпизодов – наблюдаем и на примере легенды, записанной среди семейских Забайкалья [Матвеева, 2005, с. 116]. Отсутствуют эпизод толкования снов отца; пропущен эпизод с Потифаром и его женой, а в тюрьму Иосиф попадает «за какую-то провинку»; там он толкует сон «богача ли, кто ля». В фольклорном варианте изменены некоторые ситуации, и занятия персонажей приближены к местному быту: «И вот он (Иосиф – В.К.) пас баран», т.е. находился вне дома, и не Иосиф приходит к братьям, работавшим в поле, как в книжной версии, а братья приходят к нему. Происходит фольклоризация деталей повествования: число сыновей в семье Иосифа изменено на традиционное три («...был Иосиф, последний, а два сына были умными»), непонятное «фараон», как и в предыдущем тексте заменено на традиционное для сказок «царь». Укажем также на языковые фольклорные особенности рассказа, например, традиционные повторы, когда последние слова предыдущей фразы становятся началом нового предложения («Ну, их догнали. Догнали, стали обыскивать...»; «Ну, их задержали. Задержали, а этот сын-то...»).

Процессы, подобные описанным на примере русских сибирских вариантов, мы наблюдаем и в записях европейской территории. Как мы уже отмечали, вариантов прозаических повествований об Иосифе Прекрасном известно не так много, один из них – указанный СУС вариант из Воронежской обл. [Кретов, 1977, № 54], где фольклоризированную версию повествования находим в «Сказке про Осипа»¹³. Здесь, как и в некоторых из приведенных выше примеров, изменено число сыновей в семье Иосифа: «Жили отец и мать и четыре сына с ними. Младшенького звали Осип. Старшие три брата пасли стадо, а младшенького отец с матерью любили и не заставляли работать»; но имя отца Иосифа рассказчик помнит:

¹² Примечание собирателя: «Посказитель не знает ни имени отца Осипа, ни его братьев, а равно не знает и имен родителей Моисея; имя отца Осипа знает, да забыл, утверждает только, что звали его не Иаковом» [РГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 182, л. 140].

¹³ Зап. в 1968 г. в с. Александровка Павловского р-на Воронежской обл. от Кирпасовой Анны Демьяновны, 1916 г.р.

«...Осип сел и заплакал и говорит: “Ой, отче мой Яков, твои сыновья, а мои братья продали меня в чужую страну, в чужую землю, служить царю неверному и прескверному!”». Ситуации приурочены к особенностям местного быта: «Ехали чумаки с возами на базар, везли **цыбулю** [лук – прим. публикатора]. <...> Достали они **хлопчика** из колодца и повезли с собой»). Опускаются эпизоды, происходит стяжение повествования – отсутствуют, например, эпизоды со снами Иосифа о снопах и звездах, эпизод про жену Потифара, а в тюрьму Иосиф попал «за ученое слово».

Такого же рода изменения находим в другом варианте – записанном среди Усть-Цилемских старообрядцев¹⁴ [Рассказы цилемских старообрядцев, с. 59–60]. Здесь число сыновей в семье Иосифа также изменено – их трое: «он [Иосиф – В.К.] был самый последний, а два брата было старших»; а библейские подробности замещены реалиями, более близкими для понимания рассказчиков – сообщается, например, что братья продают Иосифа *татарину*.

Еще один вариант – из Новгородской области [ТФНО 2001, № 140]. Рассказ под названием «Про Иосифа Прекрасного»¹⁵ представляет собой краткое – без эпизода о Потифаре и без каких-либо подробностей – повествование, передающее только основную сюжетную линию: братья продают Иосифа в рабство, он попадает в тюрьму, разгадывает сны про неурожай; приезжают братья, которым он продает хлеб и подбрасывает чашу; признается, что он их брат.

Рассмотренные варианты фольклорных версий легенд об Иосифе Прекрасном предъявляют библейскую историю как бы в различных ипостасях – от форм, полно и подробно (но не стереотипно) воспроизводящих книжный источник, до форм, которые являются довольно схематичным пересказом основной канвы библейского повествования. Выявленные устные варианты продемонстрировали способы адаптации повествования – упрощение сложного повествования за счет пропуска, редукции и стяжения эпизодов, либо замещение их более привычными сюжетными звеньями, заимствованными из традиционных фольклорных жанров и формами, определяемыми фольклорными стереотипами (три сына); замена подробностей библейского повествования реалиями, более близкими местному быту и укладу жизни. Последовательность рассмотренных вариантов дает возможность наблюдать процесс накопления фольклорных дополнений и изменений, посредством которых фольклорное сознание рассказчиков осваивает книжное по происхождению повествование. Наряду с немногочисленными известными вариантами прозаических повествований об Иосифе Прекрасном, записанными в европейской России, выявленные и представленные в нашем корпусе русские сибирские тексты существенно уточняют представления об этом сюжете в русской фольклорной традиции.

Литература

- Варенцов В. Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб., 1860.
- Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь. М., 1975.
- Бессонов П. Калеки переходные. Собрание стихов и исследование. М., 1861. Вып. 1.
- ГАНО – Государственный архив Новосибирской области (Новосибирск).
- Городцов, 1907 – РГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 182, лл. 135–138 об. Публ.: Городцов П.А. Были и небылицы Тавдинского края: В 3 т. Тюмень, 2000. Т. 2. С. 400–406.

¹⁴ Зап. в 2007–2008 гг. в с. Трусово Усть-Цилемского р-на Республики Коми от Анны Андреевны Дуркиной, 1934 г.р.

¹⁵ Зап. в 1971 г. в Старорусском р-не Новгородской обл. от Н.М. Шариповой, 86 л.

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.
- Дьяченко Г. Полный церковно-русский словарь. Репринтное воспроизведение. М., 1993.
- Кобякова Е.А. Сибирская песельница Н.Ф. Глушакова // Сибирский фольклор. Новосибирск, 1976. Вып. 3. С. 30–35.
- Кузнецова В.С. Фольклорные легенды на библейские сюжеты из собрания Государственного архива Новосибирской области // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 71–76.
- Кузнецова В.С. Фольклорные версии легенд о библейских событиях и персонажах: источники и механизмы формирования // Сибирский филологический журнал. 2009. № 4. С. 5–13.
- Матвеева Р.П. Народно-поэтическое творчество старообрядцев Забайкалья (семейских). Улан-Удэ, 2005.
- Народные сказки Воронежской области. Современные записи / Под ред. А.И. Кретьева. Воронеж, 1977.
- Островский А. «Иосиф Прекрасный»: от сновидца к мученику // От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. М., 1988. С. 181–192.
- Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н.С. Тихонравова. 1892.
- Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. (Сборник ОРЯС. Т. 17.)
- Рассказы цилемских старообрядцев / Публикация Ю.И. Ильиной, Т.С. Каневой, Е.В. Проскуриной // Живая старина. 2010. № 1. С. 59–61.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1895.
- ТФНО – Традиционный фольклор Новгородской области. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. По записям 1963–1999 г. СПб., 2001
- Федотов Г.П. Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.
- AT – The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Marchentypen» / Translated and enlarged by Stith Thompson. Second revision. Helsinki, 1964.
- Bratulić J. Apokrif o prekrasnom Josipu u hrvatskoj knjižnosti. Zagreb, 1972.